

21. Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture / R. Krautheimer. – Harmondsworth, 1975.
22. Ousterhout R. Master Builders of Byzantium / R. Ousterhout. – Princeton, N. J., 1999.
23. Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos (Krim) / A. Pülz // Mitteilungen zur christlichen Archäologie. – Wien, 1998. – Bd. 5.
24. Sodini J. -P. Les “tombes privilegiees” dans L’Orient Chretien (a l’exception du diocese d’Egypte) / J. -P. Sodini // L’inhumation privilegiee du IVe au VIIIe siecle en Occident. Actes du Colloque tenu a Creteil les 16-18 mars 1984 / Ed. Y. Duval, J. -Ch. Picard. - Paris, 1986.
25. Завадська І. А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса / И. А. Завадская // МАИЭТ. – 2001. – Вып. 8.
26. Юрочкин В. Ю. Церковная история Херсонеса V в. / В. Ю. Юрочкин, А. В. Джанов // Церковная археология Южной Руси. – Симферополь, 2002.
27. Ушаков С. В. Базилика “Крузе” в Херсонесе: результаты исследований 2005–2008 гг. // СУМБОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.; К., 2010. – Вып. 1.

УДК 94(37)“-00”

«Традиціоналізм» і «республіканізм» в пропаганді Октавіана напередодні Актийської битви

Токарев А. Н.

Токарев А. М. «Традиціоналізм» та «республіканізм» у пропаганді Октавіана напередодні Актийської битви. У статті розглядається поширена в історіографії думка, згідно якої Октавіан виграв боротьбу за суспільну думку наприкінці 30-х рр. до н.е., спираючись на «республіканізм». Автор вказує, що пропагандистські акції Августа, засновані на традиційних римських цінностях, були спрямовані на створення образу вдалого полководця і мудрого політика, який відстоює інтереси Італії та Рима. Октавіан взагалі не використовував гасла прихильників *libera res publica*. Навпаки, його прихильники у своїй діяльності час від часу спиралися на традицію «популярів».

Ключові слова: другий триумвірат, пропаганда Октавіана, «традиціоналізм», «республіканізм».

Токарев А. Н. «Традиціоналізм» і «республіканізм» в пропаганді Октавіана напередодні Актийської битви. В статті розглядається поширена в історіографії точка зору, згідно якої Октавіан виграв боротьбу за суспільне мнєння в кінці 30-х гг. до н.е., спираючись на «республіканізм». Автор вказує на те, що пропагандистські акції Августа, засновані на традиційних римських цінностях, були спрямовані на створення образу удачливого полководця і мудрого політика, що стоїть на захисті інтересів Італії та Рима. Октавіан взагалі не використовував лозунги приверженців *libera res publica*. Навпаки, його сторонники в своїй діяльності з часом опиралися на традицію «популярів».

Ключевые слова: второй триумvirат, пропаганда Октавиана, «традиционализм», «республиканизм».

Tokarev A. N. «Traditionalism» and «republicanism» in Octavian’s propaganda before the battle at Actium. The article is devoted to the criticism of the common view in a modern historiography, that Octavian has won struggle for the public opinion at the end of 30-th years B. C., relying upon «republicanism». The author states, that the propaganda actions of Augustus, based on the traditional Roman values, have been directed on the creation of an image of the successful commander and the wise politician, who was on guard of an interests of Italy and Rome. Octavian didn’t use slogans of adherents of the *libera res publica*. On the contrary, his supporters were from time to time guided by a tradition of the *populares*.

Key words: second triumvirate, Octavian’s propaganda, «traditionalism», «republicanism».

Конец 30-х гг. до н. э. ознаменовался ожесточенной борьбой за общественное мнєние между двумя триумвирами – Октавианом и М. Антонием, стремившимися к единоличной власти в Риме. Эти события нашли свое наиболее полное отражение в сообщениях таких античных авторов, как Аппиан, Светоний, Плутарх, Дион Кассий, а также в эпиграфических и археологических источниках. В историографии, несмотря на то, что пропагандистской борьбе Октавиана и М. Антония посвящено большое количество научных работ, уже довольно давно установилась точка зрения, согласно которой наследник диктатора завоевал общественное мнєние, используя «республиканские» лозунги, которые якобы вызвали большой резонанс в римском обществе [напр., 8; 21a]. Однако, по нашему мнєнию, ключевым моментом в понимании изменений, произошедших в идеологии этого времени, является постановка проблемы о соотношении «республиканизма» и «традиционализма» в пропаганде младшего Цезаря в 35–31 гг. до н. э.

Рассмотрим «республиканские» акции, приписываемые Октавиану. Я. Ю. Межеричкий заявляет, что «приобрести доверие гражданского населения Италии... можно было, прежде всего, зарекомендовав себя приверженцем “республиканских”, исконно римских традиций, завоевав авторитет удачливого военного вождя, стремящегося к гражданскому миру и процветанию “народа”. Именно такие, пропагандистские цели и ставились, прежде всего, перед иллирийскими походами (35–33 гг. до н. э.)» [8, с. 159]. Здесь налицо смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». Исследователь подменяет традиционные представления, характерные для всех римских политических группировок, идеологическими представлениями сторонников *libera res publica*. Таким образом можно заподозрить в «республиканизме» и М. Антония, которого Я. Ю. Межеричкий всячески «обвиняет» в склонности к «монархизму». Ведь этот триумвир в то же время организовал целых два военных похода против парфян. Конечно, можно указать, что парфянская кампания была авантюрой, тогда как Иллирия расположена рядом с Италией, и замирение беспокойных соседей было делом государственной важности. Именно так поступил Октавиан. По словам Аппиана, «сын божественного», подчинив Иллирию, в противоположность бездействию М. Антония, доложил сенату, что он умиротворил Италию, освободив ее от народов, с которыми трудно бороться и которые часто ее беспокоили (App., V. Hist., 16). Однако стоит напомнить, что вначале Октавиан планировал грандиозную экспедицию против Британии (Dio Cass., XLIX, 38), которая выглядела не менее авантюрой, чем парфянская кампания.

Настоящей целью Октавиана было укрепление собственного престижа как победоносного полководца в глазах ветеранов и гражданского населения [6, с. 141; 30, S. 51]. Ф. Гардтгаузен и Н. А. Машкин отмечают, что до этого младший Цезарь вел только гражданские войны, и это была его первая внешнеполитическая кампания [7, с. 270; 16, S. 317]. Дж. Картер указывает на еще один немаловажный момент: Октавиану нужно было занять огромное количество легионов, рассчитывавших на постоянные раздачи подарков с его стороны [14, p. 152; см. также: 7, с. 270; 34, S. 282]. Иллирийский поход должен был принести необходимые для этого средства [34, S. 282].

Заявления полководца о том, что он «умиротворял» племена варваров и действовал в интересах римской *civitas*, были совершенно традиционными для римской практики и никакого отношения к «республиканизму» не имели. Для примера сравним действия Юлия Цезаря и Октавиана. Последний, стараясь преувеличить личные заслуги, превратил доклад сенату о своих военных действиях против иллирийцев в подробный каталог покоренных племен, подчас упоминая совершенно неизвестные и незначительные названия [6, с. 141; 34, S. 282]. То же мы

встречаем и в действиях Юлия Цезаря, которого вряд ли можно записать в «республиканцы» во время его галльских войн. Мало того, Цицерон в речи о консульских провинциях полностью одобряет успехи полководца с позиции «патриота»: «Так неужели я могу быть недругом тому, чьи донесения, чья слава, чьи посланцы изо дня в день радуют мой слух новыми названиями племен, народов, местностей? Поверьте мне, отцы-сенаторы... я горю неимоверной любовью к отечеству... Это мое исконное и неизменное отношение к государству мирит и снова соединяет меня с Гаем Цезарем и восстанавливает добрые отношения между нами» (Cic., Pro Marc., 9, пер. В. О. Горенштейна).

Некоторые исследователи видят «республиканские» черты также и в эдилитете М. Агриппы. По их мнению, широкомасштабная строительная деятельность ближайшего соратника Октавиана в 33 г. до н. э., пышные зрелища были составляющей частью более масштабной политики, подчеркивавшей лояльность младшего Цезаря к старой «республике» [Напр., 8, с. 159]. В частности, якобы только Октавианом уделялось большое внимание «национальной» религии. Исследователь указывает, что к этому времени *divi filius* был членом нескольких жреческих коллегий. В то же время восстанавливались древние храмы и запрещались азиатские, сирийские и египетские культы, и именно в этом русле следует рассматривать высылку М. Агриппой магов из Италии [8, с. 160].

Однако, с нашей точки зрения, это слишком упрощенный взгляд на рассматриваемые события. Во-первых, эдилитет Агриппы никак не вкладывается в рамки «республиканизма». Дело в том, что в римской республиканской практике сложилась четкая система занятия магистратур: эдил–претор–консул, а молодой полководец уже был и претором, и консулом. Таким образом, его избрание эдилом – это грубое нарушение традиционной практики [30, S. 60; 35, p. 83]. Вообще, эдилитет Агриппы скорее следует сравнить с поведением «популярлов» Поздней республики, чем с действиями сторонников *libera res publica*. Во-вторых, М. Антоний также входил в состав различных жреческих коллегий, постоянно использовал сакральные символы в чеканке своих монет [7, с. 214; 17, p. 249–250; 30, S. 12, 22], а М. Лепид и вовсе был великим понтификом. В-третьих, восстановлением древних храмов занимались и «антонианцы» [14, p. 177; 21, S. 410; 30, S. 60–61; 31, p. 241; 37, p. 65–69]. В 34–32 гг. до н. э. Г. Сосий восстановил храм Аполлона Врача и украсил его шедеврами греческой живописи и скульптуры [13, S. 409; 26, p. 15–16; 33, S. 139]. В этой связи Ф. В. Шипли констатирует, что «в это время в Риме шла ожесточенная борьба за общественное мнение между друзьями Октавиана и агентами М. Антония. То, что Октавиан строил новый храм Аполлона на Палатине, было достаточной причиной для “антонианцев” восстановить старый храм с его 400-ми годами религиозной традиции, чтобы попытаться возместить любое религиозное преимущество, которое мог бы получить Октавиан» [29, p. 27, note 3]. Ф. Инар добавляет к этому

тот факт, что оформление храма Аполлона, восстановленного Г. Сосием на средства от триумфа над Иудеей не соответствовало восточному триумфу, а было оформлено в традиционном римском стиле [19, p. 57-72; 20, p. 332; ср.: 23, S. 121-136; см., однако: 28, p. 64]. Исследователь указывает на то, что в это время культ Аполлона являлся предметом напряженного соперничества между триумвирами. Показательно, что Октавиан «выкупил» этот храм у Сосия, сохранив ему жизнь после битвы при Акции [19, p. 57-72; 20, p. 332]. В-четвертых, высылка магов и астрологов из Италии связана, по справедливому мнению З. Явеца, с ожесточенной пропагандистской борьбой между триумвирами [36, p. 90; ср.: 12, с. 128 слл.; 27, p. 135]. В конце 40-х – начале 30-х гг. до н. э. большое распространение получила магическая литература, во многом оппозиционная Октавиану, поэтому действия Агриппы, который перед началом столкновения с М. Антонием стремился ликвидировать любые проявления оппозиции, выглядят абсолютно логичными [1, с. 99; 4, с. 186; 5, с. 96; 7, с. 271; 15, p. 176-177; 32, p. 89].

Еще одной «республиканской» акцией младшего Цезаря Я. Ю. Межеричский считает строительство мавзолея в конце 30-х гг. до н. э. [8, с. 319-323]. Он полагает, что мавзолей должен был стать «республиканским» патриотическим ответом на желание М. Антония быть похороненным в Александрии. В своих выводах исследователь опирается на мнения К. Крафта и П. Цанкера. К. Крафт, справедливо критикуя предыдущих исследователей, которые видели в создании этого здания проявление монархизма Октавиана [7, с. 602; 24, p. 57-58; 25, p. 370 sqq; 26, p. 332; 31, p. 305, 522; ср.: 21, S. 412, Anm. 120], считает, что строительство мавзолея было связано с пропагандистской борьбой триумвиров. В 32 г. до н. э. племянник Юлия Цезаря незаконно обнародовал завещание М. Антония, в котором тот якобы сообщал о передаче римских территорий в собственность Клеопатры и ее детей [см.: 11, с. 100 слл.] и о своем желании быть похороненным в Александрии, что сторонники младшего Цезаря считали доказательством намерения М. Антония перенести столицу в Египет. В ответ Октавиан принял решение о строительстве усыпальницы, чтобы подчеркнуть свою приверженность Риму и Италии [22, S. 193; ср.: 3, с. 165-166; 14, p. 19]. П. Цанкер принимает эту точку зрения только как объяснение первоначальных целей, но в дальнейшем, по его мнению, монумент подчеркивал династические притязания новой правящей фамилии [37, p. 72-77; см., также: 18, S. 54-55]. Таким образом, К. Крафт и П. Цанкер отмечают стремление «сына божественного» опереться в противостоянии с М. Антонием на Рим и Италию и указывают на использование Октавианом традиционных патриотических лозунгов, которые, в сущности, были характерны для всех римлян вне зависимости от их политических устремлений. Поэтому строительство родовой

усыпальницы Юлиев не может быть доказательством использования будущим принципсом «республиканской» риторики.

Многие исследователи видят в М. Антонии «ориенталиста», так как его поведение на Востоке якобы совершенно не соответствовало римским обычаям [8, с. 152-155, 160; 10, с. 134; 32, p. 66-111], тогда как, врожденные «республиканские представления и ценности» наследника диктатора должны были сформировать в нем «поклонника республики» [8, с. 135-136, 142, 144]. Здесь также просматривается смешение понятий «республиканизма» и «традиционализма». На самом деле и сторонники младшего Цезаря, и агенты М. Антония стремились опереться в своей пропаганде на традиционные римские ценности. Такая борьба между ними в итоге привела к тому, что соперники всячески пытались обвинить друг друга в «забвении» *mos maiorum*. Дион Кассий сохранил свидетельство, согласно которому, уже в 36 г. до н. э. или чуть позднее сторонники М. Антония и М. Лепида подчеркивали жестокость Октавиана и перекладывали на него ответственность за преступления во время проскрипций (Dio Cass., XLIX, 15). По всей вероятности, эти обвинения имели под собой какие-то основания, на что указывает Светоний (Suet., Div. Aug., 12-16). Как мы уже упоминали, М. Антоний также обвинял Октавиана в нежелании складывать чрезвычайную магистратуру и возвращать власть сенату и народу (Dio Cass., XLIX, 41; L, 7; Suet., Div. Aug., 28).

Однако выиграть борьбу за общественное мнение удалось Октавиану. И этому во многом способствовало, несмотря на все усилия его агентов в Италии, поведение М. Антония на Востоке [см.: 1, с. 94-101; 2, с. 111; 37, p. 57-65]. Переломным моментом в этом противостоянии стало решение наследника Юлия Цезаря сделать в своей контрагитации ставку на Клеопатру, с которой М. Антоний жил уже несколько лет. Зимой 35 г. до н. э. младший Цезарь отправил свою сестру Октавию, которая была официальной женой М. Антония, на Восток, предварительно передав ей небольшие средства и только две тысячи легионеров в «поддержку» парфянской кампании. Октавиан рассчитывал на резкую реакцию М. Антония, ведь согласно договору, заключенному в 37 г., в обмен на 120 кораблей «сын божественного» должен был передать 20 тысяч ветеранов [31, p. 225]. Подачка в виде двух тысяч легионеров должна была взвесить импульсивного М. Антония. Действительно, он написал письмо Октавии, находившейся в Афинах, с тем, чтобы она возвращалась в Рим. Сторонники Октавиана развернули грандиозную пропагандистскую акцию: римский магистрат отверг законную жену-римлянку ради восточной царицы, запятнавшей себя многочисленными пороками [ср.: 14, p. 181; 30, S. 30]. Самого М. Антония обвиняли в поведении, противоречившем *римским традициям*, а не «республиканизму». Ему инкриминировали возмутительные, с римской точки зрения, поступки:

он якобы отказался от римской одежды и носит восточную, Клеопатру называет своей «госпожой» и «царицей», что он собирается перенести столицу в Александрию, а римских воинов сделал телохранителями царицы и ее имя написано на их щитах и др. (Dio Cass., L, 5).

Однако вряд ли можно согласиться с И. С. Свенцицкой в том, что «М. Антоний не ощущал своей связи с традициями римской гражданской общины» [10, с. 134]. Е. В. Смыков совершенно справедливо указывает, что триумvir был продуктом этих традиций даже в своих пороках, проявления которых носили демонстративный характер. Это было «антиповедение», в котором исходным моментом для отрицания служили все-таки традиционные ценности [11, с. 82-83; ср.: 9, с. 73-80].

В заключение следует отметить важный факт, на который современные исследователи практически не обращали внимания, концентрируясь на выявлении либо «республиканских», либо «монархических» черт в идеологических акциях триумvirов. Между тем их пропагандистские усилия фокусировались в основном на частных моментах. По нашему мнению, это отличительная черта второй половины 30-х гг. до н.э., которая была вызвана тем, что в это время не использовалась «партийная» идеология. «Помпеянская» *partes* была разгромлена, а ее лозунги даже в пору ее расцвета пользовались небольшой популярностью среди широких кругов римского общества. Утратила свое значение и «цезарианская» идеология. Мстить за Цезаря было больше никому.

В итоге большую популярность приобрели личные нападки, пасквилы, инвективы, широко использовавшиеся в политической борьбе Поздней республики [25а, р. 40-42]. В частности, М. Антоний инкриминировал Октавиану его низкое происхождение, жестокость, половую распущенность, аморальное поведение, профанацию сакральных действий и увлеченность азартными играми (Suet., Div. Aug., 2, 4, 10, 16, 63, 68-70; Nero, 3) [14, р. 183-184; 15, р. 172-177; 25а, р. 43; 27, р. 31-33; 34, S. 273-274]. К. Скотт отмечает, что в конце 30-х гг. до н.э. противники младшего Цезаря использовали обвинения, которые были в ходу и в более раннее время [27, р. 7 sq.]. Октавиан в свою очередь обвинял своего соперника в тех же прегрешениях. Римской общественности навязывался образ М. Антония как пьяницы, распутника, религиозного отступника (FrGH, 192; Hor., Epod., IX, 11-16; Suet., Div. Aug., 69; Plin., N. H., XIV, 148; XXXIII, 50; Plut., Ant., 21, 24, 28, 36, 54, 58; Dio Cass., L, 5) [см.: 14, р. 183-184; 15а, р. 91-94; 15b, S. 112-114; 27а, р. 133-141; 32, р. 97-99].

Таким образом, в своей пропаганде в конце 30-х гг. до н.э. Октавиан не использовал «республиканских» лозунгов, характерных для сторонников *libera res publica*. Напротив, сторонники младшего Цезаря в своей деятельности время от времени использовали традицию «популярров», на что со всей определенностью указывает эдилитет Агриппы. Мероприятия и пропагандистские акции наследника Юлия

Цезаря в первую очередь были направлены на формирование образа удачливого полководца и мудрого политика, стоящего на страже интересов Италии и Рима и заботящегося о благосостоянии римских граждан. В его контрпропаганде, основанной на традиционных римских ценностях, М. Антоний изображается как враг римской общины, который готов предать отечество ради капризов чужеземной царицы. Другими словами, здесь Октавиан опирается на традиционные римские ценности. В то же время падение значения «партийных» идеологий привело к росту личных нападок и большему значению личного момента в контрагитации.

Примечания

1. Ахиев С. Н. Образ Клеопатры в пропаганде Октавиана / С. Н. Ахиев // Актуальные вопросы истории. – Саратов, 2001. – Вып. 2.
2. Vinner P. Ю. Очерки по истории Римской империи / Р. Ю. Виппер. – Ростов на Дону, 1995. – Т. 2.
3. Вулих Н. В. Роль искусства в пропаганде официальной идеологии принципата Августа / Н. В. Вулих, О. Я. Неверов // ВДИ. – 1988. – № 1.
4. Кравчук А. Закат Птолемея / А. Кравчук. – М., 1973.
5. Крист К. История времен римских императоров от Августа до Константина / К. Крист. – Ростов-на-Дону, 1997. – Т. 1.
6. Малеваный А. М. Иллирийские походы Октавиана (35–33 гг. до н.э.) / А. М. Малеваный // ВДИ. – 1977. – № 2.
7. Машкин Н. А. Принципат Августа / Н. А. Машкин. – М.; Л., 1949.
8. Межеричкий Я. Ю. Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа / Я. Ю. Межеричкий. – М.; Калуга, 1994.
9. Панченко Д. В. Римские моралисты и имморалисты на исходе Республики / Д. В. Панченко // Человек и культура. – М., 1990.
10. Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы (некоторые аспекты политической характеристики) / И. С. Свенцицкая // Социальная структура и политическая организация античного общества. – Л., 1982.
11. Смыков Е. В. Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) / Е. В. Смыков // АМА. – 2002. – Вып. 11.
12. Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме / Ю. Г. Чернышов. – Новосибирск, 1994. – Ч. 1.
13. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie / Hrsg. von W. H. Roscher. – Leipzig, 1897–1902. – Bd. 3. – Abt. 1.
14. Carter J. M. The Battle of Actium: the Rise and Triumph of Augustus Caesar / J. M. Carter. – L., 1970.
15. Charlesworth M. P. Some Fragments of the Propaganda of Mark Antony / M. P. Charlesworth // CQ. – 1933. – Vol. 27. – № 3/4.
- 15a. Davis A. Kleopatra Rediviva / A. Davis // G&R. – 1969. – Vol. 16. – № 1.

- 15b. Geider J. An Overlooked Item of the War of Propaganda between Octavian and Antony / J. Geider // *Historia*. – 1980. – Bd. 29.
16. Gardthausen V. Augustus und seine Zeit / V. Gardthausen. – Leipzig, 1891. – Bd. 1.
17. Haverfield F. The Name Augustus / F. Haverfield // *JRS*. – 1915. – Vol. 5.
18. Hesberg H. von. Das Mausoleum des Augustus. Der Bau und seine Inschriften / H. von Hesberg, S. Pansiera. – München, 1994.
19. Hinard F. C. Sosius et le temple d'Apollon / F. Hinard // *Kentron*. – 1992. – T. 8. – № 2.
20. Hinard F. Entre République et Principat. Pouvoir et urbanité / F. Hinard // *Laurea internationalis*. – Stuttgart, 2003.
21. Kienast D. Augustus: Prinzeps und Monarch / D. Kienast. – Darmstadt, 1999.
- 21a. Kolbe W. Von Republik zur Monarchie / W. Kolbe // *Augustus*. – Darmstadt, 1985.
22. Kraft K. Der Sinn des Mausoleums des Augustus / K. Kraft // *Historia*. – 1967. – Bd. 16. – H. 2.
23. La Rocca E. Der Apollo-Sosianus-Tempel / E. La Rocca // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik*. – B., 1988.
24. Millar F. State and subject: The impact of monarchy / F. Millar // *Caesar Augustus: seven aspects* / Ed. by F. Millar, E. Segal. – Oxf., 1984.
25. Richard J. -C. «Mausoleum»: d'Halicarnasse à Rome, puis à Alexandrie / J. -C. Richard // *Latomus*. – 1970. – T. 29.
- 25a. Pelling C. The Triumviral Period / C. Pelling // *CAH*. – 2005. – Vol. 10.
26. Platner S. B. A Topographical Dictionary of Ancient Rome / S. B. Platner, T. Ashby. – L., 1929.
27. Scott K. The Political Propaganda of 44–30 B. C. / K. Scott // *MAAR*. – 1933. – Vol. 11.
- 27a. Scott K. Octavian's Propaganda and Antony's De sua ebrietate / K. Scott // *Classical Philology*. – 1929. – Vol. 24. – № 2.
28. Sear F. Roman Architecture / F. Sear. – L., 1998.
29. Shipley F. W. The Building Activities of the Viri Triumphales from 44 B. C. to 14 A. D. / F. W. Shipley // *MAAR*. – 1931. – Vol. 9.
30. Sousa V. de. Politische Aussage und Propaganda auf Denkmälern der spätrepublikanischen und augusteischen Zeit / V. de Sousa. – München, 1974.
31. Syme R. The Roman Revolution / R. Syme. – Oxf., 1939.
32. Tarn W. W. The War of the East against the West / W. W. Tarn, M. P. Charlesworth // *CAH*. – 1934. – Vol. 10.
33. Viscogliosi A. Die Architektur-Dekoration der Cella des Apollo-Sosianus-Tempels / A. Viscogliosi // *Kaiser Augustus und die verlorene Republik*. – B., 1988.
34. Wallmann P. Triumviri Rei Publicae Constituendae. Untersuchungen zur politischen Propaganda im Zweiten Triumvirat / P. Wallmann. – Frankfurt a. Main, 1989.

35. Wright F. A. Marcus Agrippa: Organizer of Victory / F. A. Wright. – L., 1937.
36. Yavetz Z. Plebs and princeps / Z. Yavetz. – New Brunswick; Oxf., 1988.
37. Zanker P. The Power of Images in the Age of Augustus / P. Zanker. – Ann Arbor, 1988.

УДК 94 (37) – 058. 214

До інтерпретації назви етрусської магістратури *zilaθ meχl rasnal*

ЯНКО А. Л.

Янко А. Л. До інтерпретації назви етрусської магістратури *zilaθ meχl rasnal*. У статті аналізуються етрусські написи, що містять соціально-політичні терміни *zilaθ*, *meχl*, *rasnal*. Автор доходить висновку, що *zilaθ* означає «виборний правитель», *meχl* є варіантом *meχlum* та генетично пов'язане з *meθlum* «частина, доля» у значенні «участь в управлінні». *Rasnal* співвідноситься з найменуванням етрусського епоніма *Rasenna* (*Raetus*, *Raθ*) і буквально перекладається як «громадянський». Увесь титул *zilaθ meχl rasnal* перекладається «виборний правитель, що уповноважений громадою».

Ключові слова: Етруски, Етрусські написи, Етрурія, Стародавній Рим, соціальні терміни, політичні терміни.

Янко А. Л. К интерпретации названия этрусской магістратуры *zilaθ meχl rasnal*. В статье анализируются этрусские надписи, содержащие социально-политические термины *zilaθ*, *meχl*, *rasnal*. Автор приходит к выводу, что *zilaθ* обозначает «выборный правитель», *meχl* является вариантом *meχlum* и генетически связано с *meθlum* «часть, доля» в значении «участие в управлении». *Rasnal* соотносится с наименованием этрусского эпонима *Rasenna* (*Raetus*, *Raθ*) и буквально переводится как «гражданский». Весь титул *zilaθ meχl rasnal* переводится «выборный правитель, уполномоченный гражданской общиной».

Ключевые слова: Этруски, Этрусские надписи, Этрурия, Древний Рим, социальные термины, политические термины.

Yanko A. L. Interpretation of Names of Etrurian Magistracy *zilaθ meχl rasnal*. The article deals with Etrurian inscriptions, containing social and political terms *zilaθ*, *meχl*, *rasnal*. Author comes to conclusion that *zilaθ* means an elective ruler, *meχl* is a variant for *meχlum*: the both terms are